

Алексей Мусиездов

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина*

Oleksiy Musiyezdov

*Ph.D. in Sociology, Associate Professor at Department of Sociology,
V.N. Karasin Kharkiv National University*

«ОБЩИЙ ЯЗЫК ТРОТУАРА»?: КРИТИКА ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВ

В статье анализируются основные положения критики дискурса публичных пространств. Актуальность такого анализа обусловлена тем, что публичные пространства привлекают к себе внимание в качестве одного из важных источников формирования территориальных сообществ в целом и городского сообщества, в частности. Согласно распространенному взгляду, публичное пространство является местом взаимодействия разных людей и сообществ. Подчеркивается, что благодаря этому взаимодействию могут формироваться общая культура, толерантность и взаимоуважение. Однако в действительности социальные и культурные различия потенциальных участников препятствуют этому. Поэтому публичные пространства либо становятся местами конфликтов, либо «приватизируются» определенными «публиками», остальные горожане оказываются исключенными из взаимодействия. В любом случае они не выполняют приписываемой им роли.

Ключевые слова: публичное пространство, сообщество, взаимодействие, общая культура.

The article deals with the main points of criticism of public spaces' discourse. Actuality of such an analysis is conditioned by the fact that public places attract the attention as one of the main sources of formation of territorial communities in general and urban ones in particular. According to popular view, the public space is treated as a place of interaction between different people and communities. It is assumed that this interaction should form a common culture, tolerance and mutual respect. However, in reality, social and cultural differences of the potential participants prevent this process. Therefore, public spaces turn into places of conflict or become occupied by certain "publics", the others are excluded from the interaction. In any case, they do not perform the attributed role.

Keywords: public space, community, interaction, common culture.

У статті аналізуються основні положення критики дискурсу публічних просторів. Актуальність такого аналізу зумовлена тим, що публічні простори привертають до себе увагу як важливе джерело формування територіальних спільнот в цілому та міської спільноти, зокрема. Згідно з поширеним поглядом, публічний простір є місцем взаємодії різних людей і спільнот. Підкреслюється, що завдяки цій взаємодії можуть формуватися спільна культура, толерантність і взаємоповага. Проте насправді соціальні та культурні відмінності потенційних учасників перешкоджають цьому. Тому публічні простори або стають місцями конфліктів, або «приватизуються» певними «публіками», інші городяни виявляються виключеними із взаємодії. У будь-якому випадку вони не виконують приписуваної їм ролі.

Ключові слова: публічний простір, спільнота, взаємодія, спільна культура.

В поиске оснований солидарности люди нередко обращаются к наиболее очевидным признакам общности, среди которых одним из наиболее востребованных оказывается территориальный. Предполагается, что общая территория, подразумевающая наличие общего жизненного пространства, «автомати-

чески» формирует сообщество как на уровне объективных проявлений (экономика, управление, быт, культурные практики и т.д.), так и на уровне его восприятия извне или изнутри. Существование сообществ, их возникновение, функционирование, изменения и взаимодействия, является одним из главных ис-

следовательских фокусов социологии, поэтому анализ оснований групповой солидарности всегда остается актуальным. Одним из территориальных сообществ считается городское сообщество. Более того, М. Вебер утверждал, что только при его наличии город может считаться городом [1].

Со времен социологической классики город считался местом, где, с одной стороны, встречаются и сосуществуют самые разные люди и сообщества, а с другой, – формируется новый, в той или иной мере общий городской образ жизни. Едва ли не главная роль в этом процессе отводится «публичным пространствам». По мысли Дж. Джекобс, городские публичные пространства призваны помочь горожанам найти общий язык друг с другом [2]. Именно такая трактовка является преобладающей как среди исследователей, так и разного рода «практиков» – от проектировщиков и застройщиков до обывателей и представителей общественности: «Публичные места – важнейшая часть города. От частных мест их отличает степень доступности, они не могут быть открытыми для одних и закрытыми для других. Площадь, парк, улица, даже крупный коммерческий молл или развлекательный комплекс имеют шанс превратиться в публичную городскую территорию. Если коммерческий молл открыт 24 часа в сутки, внутри есть и кафе, и каток, и кинотеатр, это точно такое же публичное место, как улица или площадь» [3].

В данной интерпретации символом публичного пространства является «агора» – место встречи жителей полиса, обсуждения ими важных вопросов и выработки общего мнения. Согласно Ю. Хабермасу, публичное пространство – это пространство коммуникации, предполагающее взаимное признание участников; необходимый посредник между «системой» и «жизненным миром» – стремящимися к тотальному контролю и управлению государственными и экономическими институтами, с одной стороны, и сугубо частной сферой, с другой [4]. Х. Арндт связывает публичность и территорию, говоря о разных «городских агорах» как местах непосредственной встречи граждан – местах, предполагающих равенство и свободу участников взаимодействий. Именно публичные места, по мысли исследовательницы, объединяют людей в социальное целое и открывают возможности для формирования коллективной идентичности [5].

Так полагают не только философы, но и исследователи, имеющие более непосредственное отношение к изучению городов. Так, например, Ш. Зукин утверждает, что публичное пространство характеризуется: общественным управлением (1), свободным доступом для всех (2) и ориентацией множества

людей на общественные цели (3) [6]. А известный российский урбанист В. Глазычев вполне в веберовском духе отстаивает мысль о том, что именно публичные (всеобщие, открытые для всех и каждого) городские пространства способствуют формированию «горожан» как сообщества, осознающего собственную ответственность за свой город и предпринимающего соответствующие шаги для реализации общих интересов [7]. З. Бауман настаивает на роли публичных пространств в преодолении «миксофобии» [8]. Пожалуй, наиболее четко описываемое видение публичных пространств сформулировано в своей лекции Анной Желниной: «Толерантность будет там и тогда, когда разные группы смогут на равных приходить в одни и те же места, наблюдать друг за другом и заниматься одними и теми же делами» [9].

Существует, однако, немало авторов, критикующих данный подход как идеалистический [10, 11]. Так, О. Паченков пишет: «Не только у Х. Арндт или Ю. Хабермаса, но и у Р. Сеннета, связывающего публичную жизнь с социальностью и возможностью взаимодействия для незнакомых людей, речь идет прежде всего о собрании (gathering) людей в каком-то пространстве или месте. Таким образом, в нашем привычном понимании, публичное место – это место, где люди собираются и находятся вместе какое-то время. Этот паттерн сегодня подвергается регулярным вызовам со стороны реальной жизни городов и горожан» [12]. Целью данной статьи является анализ основных направлений критики традиционного подхода к пониманию публичных пространств.

Основой традиционного подхода является интерпретация публичного пространства как такого, которое:

- противопоставляется частному (принадлежит всем – именно здесь находит свое место лефевровский императив «права на город»);
- порождает солидарность (ощущение сообщества);
- является местом взаимодействия с представителями, как своей, так и чужих социальных и культурных групп;
- является местом (преимущественно политической и культурной) репрезентации [13].

В свою очередь, основными направлениями его критики являются следующие:

Во-первых, далеко не все общественные (потенциально открытые для желающих) пространства являются действительно публичными. Так, Р. Сеннет, З. Бауман, Ш. Зукин и некоторые другие исследователи говорят о том, что в городах «потребители часто пользуются общими физическими пространствами сферы потребления, такими как концертные или вы-

ставочные залы, туристские курорты, места для занятий спортом, торговые пассажи и кафе-террии, не вступая ни в какие фактические взаимодействия» (цит. по: [12]). Говоря о подобных местах (добавляя в этот перечень транзитные места, связанные с мобильностью), французский антрополог М. Оже вводит термин «неместа» («*non-places*»). Это места, лишённые собственного смысла, истории, идентичности: «транспортные коммуникации, большие коммерческие и сервисные центры, аэропорты, автоторговые развязки, склады» [14].

Во-вторых, если в определении публичных пространств акцентировать внимание на его функции обеспечивать свободное взаимодействие, то в условиях современного общества совершенно не обязательно, чтобы это пространство было напрямую связано с территорией. Так, Дж. Урри пишет: «Социология, как и другие социальные науки, чрезмерно фокусируется на взаимодействии лицом к лицу между людьми и внутри социальных групп. Социология утверждает, что именно такой контакт лицом к лицу между людьми, которые непосредственно присутствуют, является самой важной формой социальной интеракции. Между тем это утверждение проблематично, поскольку существует масса связей между людьми и социальными группами, которые не основываются на регулярном взаимодействии лицом к лицу. Это множественные формы «воображаемого присутствия», которые реализуются благодаря различным объектам и изображениям, позволяющим взаимодействию осуществляться сквозь и внутри множественного социального пространства» [15]. Это не означает, что городские публичные пространства полностью утратили свое значение. Однако очевидно, что существенная часть связанной с ними активности переместилась в «виртуальную среду».

В-третьих, актуальная публичность того или иного пространства ситуативна – в одних обстоятельствах оно является публичным (имея в виду характер человеческих взаимодействий), в других нет. Л. Малес в связи с этим пишет: «Публичное пространство <...> чаще всего закрепляется за центром. И если небольшие города обживают его быстро, как паук угол, поскольку социальная сеть тут плотная: есть публика, есть стометровка, на которую выходят «на прогулку», то в больших городах иначе – площадь здесь становится ситуативным акционным публичным пространством, поскольку она рассчитана на организованную публичность, например, парад или концерт. И вне таких акций, праздников она пустует, что характерно для центральных площадей Киева, Харькова, некоторых других постсоветских городов» [16, с. 34].

В-четвертых, «публичность» пространств задается различием публичного и приватно-

го, что нередко по-разному интерпретируется представителями различных групп – одно и то же место может трактоваться одними как «публичное», другими как «приватное» или иметь разную степень выраженности данных определений. Чаще всего подобные различия проявляются в стремлении прямо или косвенно приватизировать «общие» пространства (в виде строительства гаражей, застекленных балконов, создания огородов; путем трансформации временных летних кафе в полноценные отстроенные заведения на изначально общественной территории; заполнения улиц и площадей города «временными» рынками как препятствиями для митингов и демонстраций и т.д.).

В-пятых, сам факт признания тех или иных пространств «публичными» не гарантирует однозначной трактовки правил поведения в данном месте. Так, например, «публичное место» может интерпретироваться разными субъектами как место для детской площадки, или для стоянки/парковки автомобиля, или для отдыха пенсионеров, или для досуга молодежи и т.д. Сама характеристика места как «публичного», соответственно, содержит в себе потенциал не только для толерантного, но и для конфликтного взаимодействия, поскольку разные группы могут считать приемлемым совершенно разное поведение. А риторика необходимости обеспечения равного доступа к пространству зачастую служит средством для отказа в этом доступе для нежелательных групп – обычно оппонентов власти¹.

Интересный пример различий в отношении к публичным местам в Санкт-Петербурге, являющимся одновременно историческими памятниками, приводит А. Желнина. Она пишет: «Продолжающаяся дискуссия высвечивает две точки зрения. Одна из них, «постсоветская», запрещает смешение приватного и публичного в открытых пространствах, защищая символическое пространство Санкт-Петербурга от вторжений повседневности. Вторая, возникающая «европейская» точка зрения предполагает, что повседневное ис-

¹ Так, например, типичным в этом отношении является ответ В. Путина на вопрос Ю. Шевчука в рамках встречи «деятелей культуры» с премьер-министром России:

«Ю. Шевчук: 31 мая будет «Марш несогласных» в итере. Он будет разгоняться?»

В. Путин: <...> По поводу «Марша несогласных». Есть определенные правила, они предусматривают, что такие мероприятия регулируются местными властями. Кроме тех людей, которые выходят на марш согласных или несогласных, есть и другие люди, о правах которых мы не должны забывать. Если вы решите провести «Марш несогласных», – я прошу прощения за слишком резкие вещи, скажем, у больницы, где будете мешать больным детям, – кто из местных властей вам позволит там проводить этот марш? И правильно сделают, что запретят!» [17].

пользование публичного пространства города является правом его жителей» [18].

В-шестых, публичные пространства различаются между собой функционально, ориентированы на различные виды публичной активности. О. Паченков отмечает, что с приходом Нового времени классическое смешанное городское общественное пространство исчезло: «разные функции были разнесены по разным местам: для суда предназначалась одна площадь, для молитвы – другая, для рынка – третья. Появились и жестко соблюдались представления о подходящем и не подходящем конкретному месту, и деятельность, которая ему не соответствовала, должна была быть из него изгнана» [12].

Также публичное пространство может быть объектом манипулирования: не будучи изначально созданным для каких-то особых видов деятельности или особой публики, за счет его обустройства, место становится выражением интересов определенных групп горожан. Так, например, политикой городских властей перед выборами стало оборудование городских парков, скверов, дворов и т.д. лавочками. Причем их количество, существенно увеличивающееся перед каждыми очередными выборами, отнюдь не пропорционально числу тех, кто в них нуждается. Здесь очевиден расчет на поддержку со стороны пенсионеров, составляющих большую часть активных избирателей, что провоцирует оценку такого благоустройства как «подкуп избирателей», причем официальной городской властью (использование «административного ресурса») за деньги налогоплательщиков [19].

В-седьмых, на практике публичное пространство не является открытым абсолютно для всех желающих, и в его определении важную роль играет характер публики, имеющей связь с тем или иным пространством. Даже Ю. Хабермас соглашался с тем, что его идея публичного пространства как пространства коммуникации предполагает не любых участвующих, но именно образованную публику. Тем более очевидно, что разные городские публичные пространства оказываются «оккупированы» разными публиками. Так, например, В. Глазычев пишет: «Еще в годы моей юности московские бульвары очень четко специализировались по «своей» публике. На Чистопрудном бульваре играли в шахматы. Это был неформальный шахматный клуб, существовавший все 50-60 годы. На Гоголевском бульваре в шахматы категорически не играли, зато там играли в домино, вставив вместо стола фанерку в паз между деревянными рейками спинки скамейки. На Тверском бульваре меняли марки» [7].

Принципиально важным является то, что различия публик в публичных местах обусловлены не только символическими значениями

определенных мест, их традицией и т.д. как таковыми, но и прямой функциональностью как собственно публичных мест, так и прилегающих территорий.

В первом случае (ориентация на символическое значение места) примером может служить наполнение центров крупных городов приезжей из отдаленных районов или пригородов публикой (на выходные или по праздникам), весьма явственно отличающейся по стилю одежды, используемому языку, поведению и т.д. от «местных жителей», или заполнение музеев и кафе туристами.

Во втором случае уместно обратиться к идее П. Бурдьё о гомологии физического и социального пространств [20] – люди предпочитают жить рядом с теми, кто близок им по социальному положению. Вполне логично, что в городе, где имеет место социальная сегрегация, публичные пространства обычно обживаются, в первую очередь, теми, кто живет недалеко от них. Следовательно, сами пространства являются не столько местами, открытыми для всех, сколько для «своих», для тех, кто социально, культурно, стилистически близок, и появление кого-либо, «не вписывающегося в формат» места обычно встречается, как минимум, настороженностью (если не враждебностью).

Удачное описание подобного опыта представлено, например, в феминистической критике [21]. Интересный в данном отношении пример приводит А. Желнина: анализируя опыт специально созданных в Санкт-Петербурге «креативных пространств», имеющих целью быть средой для коммуникации и взаимодействия, она обнаруживает, достаточно радикальное отгораживание креативных пространств и креативного класса от города и остальных горожан: «Фактически происходит выкраивание отдельного, сегрегированного пространства для «креативных» жителей» [22].

Конфликтogenность городских публичных пространств хорошо описана, например, в литературе, посвященной молодежным группировкам [23] или так называемым «политикам памяти» [24].

Таким образом, ключевой момент критики распространенного мнения о публичных пространствах как местах взаимодействия «всех со всеми» и формирования общего образа жизни, культуры и т.д. состоит в том, что даже если эти пространства «физически» допускают и предполагают такое взаимодействие, это не означает, что оно происходит, что обусловлено социальными и культурными различиями потенциальных участников. Все сказанное указывает на некоторую утопичность взгляда на публичное пространство как место толерантности и принятия другого как партнера по взаимодействию и равноправного участника процесса выработки

общих представлений. Это означает, что публичное пространство лишь частично является местом взаимодействия городских сообществ. В лучшем случае в рамках таких пространств взаимодействуют сообщества, которые сами по себе являются близкими в социальном, культурном, пространственном отношении, а значит, характеризующиеся сходными взглядами, остальные же оказываются исключенными из взаимодействия.

Такое положение вещей свидетельствует о необходимости пересмотра распространенной

точки зрения на роль публичных пространств и территорий в целом в формировании общественной солидарности. Такие попытки имеют место [8; 15; 26], однако назвать их распространенными достаточно сложно. Потому в риторике и действиях городских властей и планировщиков сохраняется утопический оптимизм относительно публичных пространств, что приводит к неэффективному использованию ресурсов, направляемых на развитие городов и городских сообществ.

Литература

1. Вебер М. Город / М. Вебер ; пер. с нем. М. Левиной // Вебер. М. Избранное. Образ общества. – М. : Юрист, 1994. – С. 309–446.
2. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Д. Джекобс. – М. : Новое издательство, 2011. – 460 с.
3. Мы в окружении Москвы [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2013. – № 9 от 28 января. – Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/society/56443.html> (04.10.2014).
4. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. – Cambridge: The MIT Press, 1989.
5. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт ; пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
6. Zukin S. The Cultures of Cities / S. Zukin. – Oxford : Blackwell, 1995.
7. Глазычев В. Бульвар и его окрестности [Электронный ресурс] / В. Глазычев // Глазычев В. Лекционный курс «Проектные формы креативного мышления», 2000. – Режим доступа : http://www.glazychev.ru/courses/pfkm/pfkm_06_16-02-2000.htm (04.10.2014)
8. Бауман З. Город страхов, город надежд / З. Бауман ; пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2008. – №3 (66). – С. 24–53.
9. Желнина А. Публичное пространство в социологии города [Электронный ресурс] / А. Желнина // Портал «Социологические прогулки», 2009. – Режим доступа : <http://www.urban-club.ru/?p=89> (04.10.2014).
10. Kasinitz Ph. (ed.) Center and Symbol of Our Times – New York University Press, 1995.
11. Kumar K., Weintraub J. (eds.). Public and Private in Thought and Practice – Chicago: University of Chicago Press, 1997.
12. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс] / О. Паченков // Новое литературное обозрение. – 2012. – №117. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html> (04.10.2014).
13. Альманах «Урбаністичні студії III». Оголошення про прийом статей [Электронный ресурс] // Heinrich Voell Foundation. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html> (31.03.2015).
14. Оже М. От города воображаемого к городу-фигури [Электронный ресурс] / М. Оже ; пер. с фр. В. Мизигано // Художественный журнал, – 1999. – № 24. – Режим доступа : <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (04.10.2014).
15. Urry J. Mobility and Connections [Electronic resource] / J. Urry // Le Journal De L'Institut pour la Ville en Mouvement, 2002. – Way of access : <http://ville-en-mouvement.pagesperso-orange.fr/telechargement/040602/mobility.pdf> (04.10.2014).
16. Малес Л. Центральність та публічність: ситуація української столиці / Л. Малес // Стратегія урбаністичного майбутнього Києва: збірник громадських дискусій, статей, інтерв'ю та проєктів. – Київ : Представництво Фонду ім. Гайнріха Бюлля в Україні, 2011. – С. 28–36.
17. Шевчук и Путин. Полная стенограмма встречи [Электронный ресурс] // Блог «Новой газеты». – 29 мая 2010. – Режим доступа : <http://novayagazeta.livejournal.com/207484.html> (04.10.2014).
18. Zhelnina A. «Learning to use the public space»: perception of the urban spaces in the post-soviet context [Electronic resource] / A. Zhelnina // RC 21 Conference «The struggle to belong. Dealing with diversity in 21st century urban settings» / Amsterdam (The Netherlands), July 7-9, 2011. – Way of access : <http://www.rc21.org/conferences/amsterdam2011/edocs/Session%202012/RT12-1-Zhelnina.pdf> (04.10.2014).
19. Федоров В. Кандидаты-мажоритарщики Харьковщины сэкономят на «подкупе» [Электронный ресурс] / В. Федоров // Харьков. Комментарии. – 29 января 2012. – Режим доступа : <http://kharkov.comments.ua/article/2012/01/26/001524.html> (04.10.2014).
20. Бурдые П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые ; пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – С. 33–52.
21. Трубина Е. «Неприятная история легко может произойти с ней»: феминизм и город / Е. Трубина // Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 99–106.
22. Желнина А. Творчество «для своих»: социальное исключение и креативные пространства Санкт-Петербурга / А. Желнина // Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения. Сборник научных статей студентов и преподавателей НИУ ВШЭ / под общей редакцией Ю. О. Папушиной, М. В. Матецкой. – Санкт-Петербург : «Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2012. – С. 42 – 57.
23. Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов; отв. ред. Н. Л. Пушкарева. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. – 340 с.
24. Серета В. Місто як lieu de m'moire: спільна чи поділена пам'ять? Приклад Львова / В. Серета // Вісник Львівського університету. Серія соціологічна. – Львів : ЛНУ ім. Ів. Франка, 2008. – Вип. 2. – С. 73 – 99.
25. Maffesoli M. The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society / M. Maffesoli. – London : SAGE Publications ; Thousand Oaks, New Delhi, 1996.